

озвончением; и здесь сквозь глухой согласный просвечивает начало гласного. Наконец, третья ступень «звонкости — глухости» согласных — это полная звонкость, которой обладают звонкие согласные не в конце слова и не перед глухими.

Между этими тремя основными ступенями есть еще множество переходных. В безударных слогах звонкие согласные могут умерять свою звонкость. В конце концов, если мы произнесем с силой и напряжением всех речевых органов слово *помпа* и, наоборот, вяло и ненапряженно слово *бомба*, то звучание [п] и [б] во втором слоге сближается до предела.

Следовательно, от б до п в языке оказывается непрерывная шкала звуков: б¹ [ба!], б² [бак], б³ [бык], б⁴ [бабл] б⁵ [р'бл], б⁶ [р'б'ьм], б⁷ [р'б'ьк], п⁸ [па!], п⁷ [пар], п⁶ [пыл], п⁵ [п'ал], п⁴ [п'альм], п³ [ш'альк], п² [ш'альк], п¹ [лол]. Новое качество появляется не внезапно, не разом, а постепенно накапливается; между двумя полюсами встречается множество переходных случаев.

Было бы ясно, где появляется новое качество согласного, если бы оно возникло в форме внезапного скачка, взрыва, разорвав постепенную непрерывность звуковой цепи [б¹ — п¹]. Но «скачок» здесь протекает в непрерывном ряду форм, и поэтому его нельзя указать пальцем: вот он! Такие «замедленные скачки», как известно, не редкость в языке. Они целиком характеризуют диахронию языка, а диахрония накладывает отпечаток и на синхронию.

Легко сказать: «Комбинаторные варианты данной фонемы не выходят за ее пределы»²². Но как определить эти акустические пределы? Где проходит граница: между [б⁵] и [б⁶] между [п¹] и [п⁶] С акустической точки зрения это равновозможно, так как эти границы равновелики.

Итак: даны два акустических типа: [п] и [б]. Требуется (не прибегая к морфологическому критерию) распределить между этими двумя типами все встречающиеся в нашем языке варианты [п—б]. У этой задачи оказывается бесчисленное количество решений, т. е. ни одного.

«Фонетический диапазон вариантов одной фонемы может быть очень широким, но он все же имеет определенные границы, — рассуждает Л. Р. Зиндер. — Этот диапазон лимитируется акустико-артикуляционными свойствами вариантов всех прочих фонем данного языка»²³. Значит так: диапазон фонемы [п] определяется диапазоном фонемы [б]. А диапазон фонемы [б] определяется, конечно, диапазоном фонемы [п]. Все это неутешительно.

Вопрос полностью выясняется, если мы вспомним о морфологическом критерии. В слове *шапок* звук [п³] мы отнесем к фонеме [п], так как в той же морфеме в независимом положении встречаем звук [п⁴], «чистое» [п] (ср. *шапник*, *шапный* и пр.). В словах *от улицы*, *от огня* звук [т] слабо озвончен, занимает среднее положение между [т] и [д]. И мы относим этот звук к акустическому типу [т] только потому, что эта же морфема (в данном случае совпадающая со словом) *от*, будучи поставлена в иное фонетическое окружение (*от рыбы*, *от мыса*), позволяет определить, что данная согласная фонема в независимом положении превращается в [т].

Факты показывают, что, даже признав правильным определение: «фонема — звуковой тип», мы все равно не можем произвести фонемного анализа без помощи морфологии.

Особенно много затруднений доставляет врагам морфологического критерия в фонологии редуцированный гласный [ъ] (среднего ряда, среднего подъема, нелабиализованный). У этого звука [ъ] столько же прав объединиться в один акустический тип с [а], сколько с [ы]. В. И. Лыткин провоз-

²² Л. Р. Зиндер, Вопросы фонетики, 1949, стр. 25.

²³ Л. Р. Зиндер, Существуют ли звуки речи, стр. 300.